

1. Имя *Обихъ* направлено въ царство Годмунда.

2. Съ *Обихъ* рассказами тѣмъ связано сказаніе объ убійствѣ Геррауда.

3. *Обихъ* германъ характеризуютъ рѣдкія драгоценности; они ищутъ ихъ и подвергаютъ за это преслѣдованію.

4. И здѣсь и тамъ подтверждается разница въ религіяхъ, при чемъ Годмундъ и его народъ — язычники.

Не оправдывается традиціей о Турѣ женитба Торстейна на Гудрунѣ. Эта черта навѣяна тѣми рассказами о Біармаландѣ, въ которыхъ герой кромѣ несчетныхъ богатствъ привозитъ изъ чужбины еще невѣсту¹⁾. Ярль Агди можетъ быть заимствованнымъ прямо изъ саги объ Эйстейнѣ, тѣмъ болѣе, что роль его въ *Обихъ* сагахъ какъ будто сходится.

XIII.

Рассказъ о Гельги, сынѣ Ториръ²⁾.

Недалеко отъ Вика жилъ нѣкій Ториръ; у него было два сына — Гельги и Торстейнъ. Ториръ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ королемъ Олафомъ. Лѣтомъ братья отправились къ финамъ продавать масло и сало. Послѣ прибыльной торговли они къ концу лѣта возвращались домой изъ Финмарка. Однажды они остановились у мыса *Vimund*, который покрытъ былъ весьма хорошимъ лѣсомъ. Всѣ вышли на берегъ, но Гельги углубился дальше другихъ въ чащу лѣса; спустилась такая тьма, что онъ не находилъ дороги обратно къ кораблямъ. Когда спустилась ночь, Гельги увидѣлъ 12 женщинъ, ѣдущихъ верхомъ на красныхъ коняхъ и въ красной одеждѣ. Сбруя блистала золотомъ. Среди нихъ одна выдавалась замѣчательной красотой, а другія, казалось, прислуживали ей. Онъ соскочилъ съ коней и разложили богатый шатеръ. Затѣмъ они принялись пировать. Вдругъ главная изъ нихъ подозвала Гельги и пригласила его принять участіе въ ихъ весельи. Она

¹⁾ Напримеръ, *Воси* въ *Босасагѣ*.

²⁾ *Рмв.* т. III, стр. 135--141.

представила себя, какъ Ингибиоргу, дочь Годмунда изъ Glæsisvellir. Гельги проводитъ съ ней три ночи. При разставаніи Ингибиорга даритъ ему два ларца, одинъ наполненъ серебромъ, другой—золотомъ; при этомъ она проситъ его никому ничего не говорить. Затѣмъ женщины уѣзжаютъ, а Гельги возвращается къ кораблямъ. Радостно встрѣченный своими товарищами, Гельги счастливо пріѣзжаетъ домой къ отцу, но относительно происхожденія своихъ богатствъ хранить упорное молчаніе. Во время праздника іюла разражается сильная буря. Оба брата отправляются къ кораблю, но вдругъ при сильномъ раскатѣ грома подѣзжаютъ два всадника и увозятъ Гельги. Отецъ его отправился къ королю Олафу и рассказавъ ему о случившемся, попросилъ его навести справки о пропавшемъ сынѣ. Черезъ годъ опять во время іюла во дворецъ Олафа входятъ три мужа; въ одномъ изъ нихъ узнаютъ Гельги, двое остальныхъ никому не извѣстны. На вопросъ короля они оба называютъ себя Гримомъ ¹⁾). Они передаютъ отъ имени Годмунда привѣтъ и два рога, оправленныхъ въ золото, въ видѣ подарка. Король велѣлъ наполнить рога хорошимъ напиткомъ и поднести обоимъ Гримамъ послѣ того, какъ епископъ благословилъ питье. Гримы же были обижены благословеніемъ. Они вылили питье на полъ и потушили огонь. Король велѣлъ своимъ мужьямъ встать и возстановить порядокъ. Когда вновь освѣтили палату, то незнакомцевъ и Гельги уже больше не оказалось, на полу же лежало трое убитыхъ и рога. Мѣстность, по которой таинственные гости удалились на востокъ, была прозвана «Ущельемъ Гримовъ» — Grímaskard. Проходитъ годъ. Наступаетъ обычный праздникъ іюла. Король со своимъ дворомъ молится въ церкви. Тогда въ дверяхъ церкви показываются три мужа. Двое изъ нихъ тотчасъ же скрываются, крикнувъ слѣдующее: «Вотъ мы тебѣ привезли Gretti ²⁾), король! Никому неизвѣстно, когда тебѣ придется умереть». Третій мужъ, оставшійся на мѣстѣ оказался Гельги, но онъ былъ слѣпымъ на оба глаза. Тутъ

¹⁾ hvortveggi Kvedst Grímr heita...

²⁾ При чемъ тутъ это названіе, осталось для меня загадкой.

только Гельги рассказывает о своемъ приключеніи въ лѣсу. Всадники, увезшіе его, были тѣ же незнакомцы, съ которыми онъ впослѣдствіи являлся къ Олафу. Молитвы Олафа тронули Годмунда такъ, что онъ рѣшилъ отпустить Гельги ¹⁾). При прощаніи Ингиборга вырвала ему оба глаза.

Не одно имя Годмунда и мѣстонахожденіе его царства по сосѣдству съ Финмаркомъ связываетъ этотъ рассказъ съ сагой о Торстейнѣ. Какъ во всѣхъ преданіяхъ о крайнемъ сѣверѣ, Гельги и здѣсь добываетъ несмѣтныя богатства. Уже Адамъ Бременскій засвидѣтельствовалъ намъ древность этой черты. Его фрисскіе мореплаватели увидѣли на неизвѣстномъ имъ островѣ множество золотыхъ сосудовъ и издѣлія изъ тѣхъ металловъ, которые среди людей считаются весьма рѣдкими и дорогими ²⁾). Они взяли съ собой, сколько могли, но раньше, чѣмъ они достигли кораблей ихъ нагнали великаны и чудовищныя собаки, которые растерзали одного моряка. Рѣдко какой рассказъ о сѣверныхъ краяхъ забываетъ упомянуть объ этихъ баснословныхъ богатствахъ. Иногда сокровища добываются изъ пещеры великана; иногда ихъ находятъ въ храмѣ или у истукана Юмалы, какъ, напримѣръ, въ Босасагѣ. Когда скандинавы открыли курганъ, который описывается въ Орваръ-Оддсагѣ ³⁾, то традиціонная черта была оправдана обстановкой. Въ связи съ этими представленіями о сокровищахъ сѣвера находится и описаніе тѣхъ роскошныхъ условій жизни, въ которыхъ пребываетъ Годмундъ и его ближніе. Его и его дочь сопровождаетъ многочисленная свита; всѣ одѣты замѣчательно богато, даже сбруя лошадей блистаетъ золотомъ. При такихъ средствахъ и жизнь должна протекать беззаботно, весело. Когда спрашиваютъ Гельги, какъ ему жилось у Годмунда, онъ отвѣчаетъ, что нигдѣ онъ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ тамъ ⁴⁾).

¹⁾ fyrir bœnir yðrar lét hann mik lausan...

²⁾ pro quorum foribus infinita iacebat copia vasorum aureorum et eiusmodi metallorum, quae rara mortalibus et preciosa putantur. Кн. IV, гл. 40, стр. 188.

³⁾ См. выше, стр. 119 сл.

⁴⁾ allgott ok hvergi hefir mér betra þott. Fms. т. III, стр. 140.

Нахождение красавицы на далекомъ сѣверѣ также вошло въ планъ сказаній о Біармаландѣ. Правда, Лейда, сестра Годмунда, должна стать женой Боси и онъ дважды увозить ее въ Норвегію. Также и Эдда и Едпу, дочери Гарека, короля Біармаланда, становятся добродѣтельными супругами. Но Ингибіорга, дочь Годмунда, держитъ Гельги, какъ бы въ плѣну у себя, и когда онъ рѣшилъ покинуть ее, она выкалываетъ ему оба глаза. Эти отношенія напоминаютъ намъ рассказъ Саксона о дочеряхъ Годмунда, которыхъ Торкиль совѣтуетъ остерегаться. Букки, который рѣшился жениться на одной изъ дочерей Годмунда, тотчасъ же былъ охваченъ какимъ то недугомъ и потерялъ всякую память о прошломъ; лишившись самообладанія, онъ подпалъ подъ гнусное иго своей чувствительности ¹⁾. Матросы, пустившіеся на ухаживаніе за прислужницами, тотчасъ же сошли съ ума ²⁾.

Торкиль, возвратившись въ Данію, становится вѣрующимъ христіаниномъ и полнымъ презрѣніемъ къ языческимъ богамъ. Это приуроченіе къ моменту введенія христіанства является характерной чертой разбираемаго типа сказаній о крайнемъ сѣверѣ. Такъ и Торстейнъ, и Гельги состоятъ на службѣ у короля Олафа, съ воцареніемъ котораго христіанство становится государственной религіей въ Норвегіи. Когда Торстейнъ переселяется окончательно на сѣверъ, король неоднократно увѣщаетъ его, остаться преданнымъ своей вѣрѣ ³⁾. Очевидно, страны сѣвера считались чисто языческими, почему трудно было сохранить въ нихъ чистоту своей вѣры. Вспомнимъ также, какъ Торстейнъ избавился отъ Агди, защищаясь крестнымъ знаменемъ. Эта разница религіи подчеркивается и въ рассказѣ о Гельги, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ посланники Годмунда отка-

¹⁾ unam e filiabus ejus irrevocabili amore complexus, exitii sui connubium impetravit, moxque repentino verticis circuito actus pristinum memorie habitum perdidit. Saxo, стр. 423.

²⁾ Quippe post id factum parum animo constitisse traduntur. Saxo стр. 424.

³⁾ Konungr bað hann halda trú sína vel. Fms. III, стр. 196 и 198.

зываются пить изъ освященнаго рога ¹⁾). Несмотря на хорошій отзывъ, который Гельги даетъ о житьё-бытьё Годмунда, всетаки всѣ рады, что онъ освободился изъ рукъ чудовищъ ²⁾).

Итакъ, рассказъ о Гельги, сынъ Торира, не случайная выдумка, а принадлежитъ къ совершенно опредѣленному кругу сказаній, наравнѣ съ рассказами о Торкилѣ и Торстейнѣ. Благодаря этому внутреннему родству, вѣроятно, и состоялось вторженіе одного мотива въ сагу о Торстейнѣ. Уже выше мы отмѣтили параллелизмъ между «бѣлыми» кубками и «добрымъ Гримомъ» въ сагѣ. Этотъ «добрый Гримъ» то служить кубкомъ, то обладаетъ человѣческими способностями. Но эту непонятную двойственность мотива мы еще ярче наблюдаемъ въ рассказѣ о Гельги. Тутъ не только посланники Годмунда, но и сами кубки, которые они приносятъ въ подарокъ Олафу, называются Гримами. Когда король спросилъ, какъ ихъ зовутъ, они назвались Гримами ³⁾). Когда они выпиваютъ, то прямо говорится— þá taka Grímar við hornunum ⁴⁾). Наряду съ этими выраженіями, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что посланники назывались Гримами, это же самое наименование приписывается рогамъ-кубкамъ: *Sr. konúngr lætr fylla hornin Gríma af góðum drykk; þar liggja hornin Grímar á gólfna...; konúngr lét varðveita hornin Gríma ok af drekka ok dugir þat vel* ⁵⁾). Тѣмъ не менѣе, рога въ рассказѣ о Гельги всегда остаются рогами, а посланники— посланниками. Правильность нашего наблюденія подтверждается еще слѣдующимъ мѣстомъ изъ сказа о Норнагестѣ: *Svá segja menn, at Gestr þessi kæmi á þridja ári ríkis O'lafs konúngs; á því ári komu ok til hans tveir menn er*

¹⁾ Þeir Grímar höfðu eigi náttúru til at drekka þann drykk, er þér létut signa. *Fms. III, стр. 138 и 140.*

²⁾ Þakkadl. hann honum vel, er sonr hans var aptr Kominn or trölla höndum. *Fms. III, стр. 141.*

³⁾ Konúngr spurdi þá at nafni, en hvortveggi Kvedst Grímr heita. *Стр. 138.*

⁴⁾ *Стр. 138.*

⁵⁾ *Стр. 138 и 139.*

Grímar hétu, ok voru sendir af Godmundi af Glæsisvöllum; þeir færðu konungi horn tvö, er Godmundr gaf honum; þau kölludu þeir ok Gríma ¹⁾). Такимъ образомъ, пріѣздъ обоихъ Гримовъ къ королю Олафу относился бы къ 998 году, но понятно, это пріуроченіе лишено всякаго значенія. Въ сагѣ о Торстейнѣ оба понятія—рогъ Гримъ и посланникъ Гримъ—уже спутались и получился прямо непонятный образъ. Въ сагѣ этому кубку оказываютъ религіозныя почести и падаютъ предъ нимъ на колѣни ²⁾). Я думаю, что кубки, которые окружаются какимъ то культомъ, понимаются какъ символы христіанской вѣры и присущи поэтому рассказамъ объ Олафѣ. Кромѣ уже извѣстныхъ намъ роговъ, Олафъ обладалъ еще другими ³⁾). Въ преданія о крайнемъ сѣверѣ они, можетъ быть, и попали только благодаря пріуроченію этихъ рассказовъ къ королю Олафу.

XLIII.

Мноы о ца'рствѣ мертвыхъ.

Между рассказами о Торкилѣ и Торстейнѣ и мнѣями о Торѣ мы нашли тѣснѣйшую связь. Это наблюденіе приводитъ насъ къ заключенію, что Торкиль = Торстейнъ = Торъ одно и тоже лицо, хотя и подъ разными, но похожими именами. Когда кореннымъ образомъ измѣнился характеръ мнѣя, въ данномъ случаѣ, когда Торъ былъ пріуроченъ къ Олафу resp. Горму и сталъ какъ бы представителемъ христіанства, то естественно было назвать его какънибудь иначе для отличія отъ тѣхъ мнѣевъ, въ которыхъ Торъ все еще оставался языческимъ божествомъ. Такъ какъ этимъ послѣднимъ мнѣямъ грозила другая опасность—переработка со стороны скальдовъ, то мы иногда въ рассказахъ о Торкилѣ и Торстейнѣ находили черты о'олѣе древнія, чѣмъ въ мнѣяхъ о Торѣ. Даже Гельги ка.къ будто

¹⁾ Fas. т. I, стр. 315.

²⁾ Allir stóðu upp ok féllu á kné fyrir honum. Стр. 191.

³⁾ Напримѣръ—Hýrníngar, Fas. III, стр. 138.

выдаетъ свое родство съ Торомъ: его братъ—Торстейнъ, а отецъ—Ториръ; послѣднее имя Норенъ ¹⁾ производить отъ þorgeirr.

Такимъ образомъ, мы приобрѣли право выдѣлить рядъ миеовъ о Торѣ, въ которыхъ богъ этотъ совершаетъ поѣздки въ царство мертвыхъ. Правда, основной смыслъ многихъ миеовъ затемнился, потому что души мертвыхъ были замѣнены другими жителями крайняго сѣвера—веллканами. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, Скониингъ ²⁾; прямо склоненъ отождествить тѣхъ и другихъ, считая великановъ первоначально демонами смерти, которые истребляютъ, съѣдаютъ трупы. Такъ онъ объясняетъ происхождение названія jotunn отъ глагола eta—ѣсть. Во всякомъ случаѣ многіе скандинавскіе миеы еще сохранили слѣды посѣщенія царства мертвыхъ. Кромѣ разобранныхъ выше миеовъ о Герутѣ=Geirrödr и Годмундѣ я укажу еще на нѣкоторыя подробности, которыя при помощи новаго освѣщенія могутъ быть истолкованы совсѣмъ иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Въ эддической пѣснѣ Hárbardsljód таинственный перевозчикъ, въ которомъ одни ученые видятъ Локи, другіе—Одина, сообщаетъ Тору, что скончалась его мать—*ðauf hugg ek at þín móðir sé*. Комментаторы ³⁾ объясняютъ это мѣсто, какъ риторическую фразу въ томъ смыслѣ, что у Тора такой несчастный видъ, какъ будто бы скончалась его мать. Правда, нигдѣ въ другомъ миеѣ не упоминается о смерти Фюргины, но такихъ пробѣловъ въ нашихъ миеологическихъ источникахъ безчисленное множество. Уландъ ⁴⁾ видитъ здѣсь аллегорію: мать Тора=земля—скончалась, т.-е. опустошена войной, олицетвореніемъ которой является Одинъ=Hárbardr. Въ концѣ пѣсни перевозчикъ, отказавшись переправить Тора, совѣтуетъ ему итти пѣшкомъ до самого uerland. Это опредѣленіе для насъ совершенно загадочно; ни одно изъ предложенныхъ толкованій не даетъ

¹⁾ Altisl. Gramm, стр. 75, § 122.

²⁾ Schoning, Dödsrigger i nordisk Hedentro, стр. 11 сл.

³⁾ Edda, Anmerkungen, стр. 213.

⁴⁾ Schriften VI, стр. 52—3.

намъ опредѣленія, ни verland=Männerland, ни Virland=Эстляндія. «Тамъ, продолжаетъ Гарбардъ, Фіоргина встрѣтитъ своего сына и укажетъ ему дорогу въ страну Одина»¹⁾). Изъ другого мѣста нашей пѣсни явствуется, что намъ слѣдуетъ понимать подъ «страной Одина». «Одинъ, говорится тамъ, владѣетъ всѣми ярлами, павшими на полѣ брани, Торъ же рабами»²⁾), которые не носятъ оружія, не участвуютъ въ бою и вслѣдствіе этого умираютъ естественной смертью. Итакъ, страна Одина—царство мертвыхъ. Тогда для насъ ясна вся ситуація. Торъ хочетъ пробраться въ царство мертвыхъ и доходить уже до рѣки, отдѣляющей эту область отъ обитаемой простыми смертными земли. Перевозчикъ отказывается перевести Тора на лодкѣ и совѣтуетъ ему итти до извѣстнаго мѣста, гдѣ онъ встрѣтитъ свою умершую мать, проживающую въ царствѣ мертвыхъ. Она же укажетъ ему дальнѣйшій путь—въ страну Одина. Въ другомъ мѣстѣ разсказывается, какъ Торъ пытался перейти названную рѣку (или проливъ) въ бродъ. При этомъ онъ чуть не утонулъ и только съ трудомъ выбрался на берегъ, схватившись за кустъ³⁾). Наученный горькимъ опытомъ, Торъ отказывается отъ переходенія рѣки въ бродъ. На это намекаетъ строфа 14 нашей пѣсни⁴⁾:

Harm liótan mér þikkir í þuí at uafa
um uáginn til þín
ok uáeta oðgur mín.

Перехожу къ другому примѣру. Когда Гормъ пожелалъ перейти по золотому мосту, ведущему черезъ рѣку

¹⁾ Строфа 57, стр. 50:

þar mun Fiorgyn
hitta þórr, son sinn,
ok mun hón kenna hánom áttunga brautir
til O'þins landa.

²⁾ Строфа 25, стр. 48:

O'þin á iarla,
þá er í ual falla,
enn þórr á þræla kyn.

³⁾ Sn. Edda, стр. 107.

⁴⁾ Стр. 44.

въ царство мертвыхъ, Годмундъ останавливаетъ его съ объясненіемъ, что до сихъ поръ ни одна человѣческая нога не была на этомъ мосту ¹⁾. Когда послѣ смерти Бальдера Гермодъ ѣдетъ въ царство мертвыхъ, то сторожащая на мосту женщина замѣчаетъ: «вчера тутъ проѣхало пять тысячъ мертвецовъ, но мостъ тогда менѣ дрожалъ, чѣмъ теперь подъ тобою; очевидно, ты не умершій; что же ты стремишься въ царство мертвыхъ?» ²⁾. Думаю, что живымъ вообще запрещено было ѣздить по мосту; если же кто-нибудь рѣшался на этотъ поступокъ, то сейчасъ же сторожа узнавали его по тому шуму, который поднимался отъ живого существа, въ то время какъ мертвые шли по мосту неслышно. И вотъ эта черта отразилась страннымъ образомъ въ пѣснѣ о Скирнирѣ. Когда послѣдній пріѣхалъ въ страну великановъ, Герда спрашиваетъ: «что это за шумъ, раздающійся по всему дому? Дрожитъ земля, и трясется весь дворъ Гимира» ³⁾. Мнѣ кажется, что въ этомъ шумѣ она видитъ характерный признакъ, по которому живыхъ отличали отъ мертвыхъ. Въ связи съ этимъ ставится вопросъ: hvárt ert þú feigr eða ertu fram genginn? ⁴⁾ Деттеръ и Гейнцель ⁵⁾ объясняютъ это мѣсто такъ: du hast wol kein Leben mehr zu verlieren? Ионсонъ переводитъ: er du dödsens eller måske en genganger? Точнѣ всего толкованіе Скюнинга ⁶⁾: er du bestæmt til døden eller er du (allerede)

¹⁾ Cuius transeundi cupidos a proposito revocavit, docens, eo alveo humana a monstrosis rerum secrevisse naturam, nec mortalibus ultra fas esse vestigiis. Saxo, стр. 423.

²⁾ sagði, at inn fyrra dag ridu um brúna fimm fylki dauðra manna: en eigi dynr brúin minnr undir einum þér ok eigi hefir þú lit dauðra manna; hví ridr þú hér á Helveg?—Sn. Edda, стр. 76.

³⁾ Edda, стр. 39, строфа 14:

Huat er þat hlym hlymia,
er ek hlymia heyri nu til
ossom rönnum í?
iqrþ bifaz,
enn allir fyr
skiálfa garðar Gymis.

⁴⁾ Строфа 12.

⁵⁾ Edda, Anmerkungen, стр. 196.

⁶⁾ Стр. 23.

död? Итакъ, миѣ о сватовствѣ Скирнира попалъ въ неподходящую для сюжета обстановку царства мертвыхъ, и, можетъ быть, сюда относятся еще и другія подробности, какъ, напримѣръ, заколдованный огонь = *vaflogi* и злые псы ¹⁾).

По мѣрѣ того, какъ христіанскія легендарныя представленія стали проникать на сѣверъ, миѣ о царствѣ мертвыхъ подвергались коренному измѣненію. Уже выше мы отмѣтили нѣкоторую параллель между Герраудомъ и Утгардалоки, во-первыхъ, у Саксона ²⁾, во-вторыхъ, въ сагѣ о Торстейнѣ и у Снорри ³⁾. Миѣ кажется, что Геррауда слѣдуетъ признать первоначальнымъ героемъ этого сказанія, главнымъ эпизодомъ котораго является бросаніе другъ въ друга (раскаленнымъ) желѣзомъ. Вѣдь на это указываетъ имя его *Geirrödr* = *Geermann*, какъ переводитъ Элардъ Мейеръ, словомъ—метатель, стрѣлокъ. Значеніе это нисколько не мѣняется, если принять даже этимологию Норена ⁴⁾ отъ **Geirfrödr*. Далѣе, если Локи и имѣлъ извѣстную связь съ *lúka* = закончивать, то эта связь ощущалась лишь смутно и во всякомъ случаѣ образъ его никогда не обличалъ въ немъ демона смерти. Подъ вліяніемъ же христіанскихъ представленій создается типъ Утгардалоки, который начинаетъ вытѣснять Геррауда. Съ другой стороны, ужасы царства мертвыхъ блѣднѣютъ, отчасти же переносятся въ страну великановъ, какъ мы это замѣтили въ глѣснѣ о Скирнирѣ. Загробный міръ превращается все болѣе въ христіанскій рай, *lóa arþica*, *Glæsisvellir*, гдѣ царствуетъ *Godmundr*, божественный — какъ гласитъ его имя, *þiissimus protector*—какъ называетъ его Саксонъ. И теперь мы также поняли, почему рассказы о Годмундѣ приурочены ко времени введенія христіанства. Утгардалоки и Годмундъ, а съ ними и Торкиль, Торстейнъ и Гельги, сынъ Торира, представители болѣе поздней миѣогоніи, образовавшейся подъ вліяніемъ христіанскихъ представленій. Въ этомъ на-

¹⁾ См. Скониингъ, стр. 22—24.

²⁾ См. выше стр.

³⁾ См. выше стр.

⁴⁾ *Altisl. Gramm*, стр. 137, § 245.

правленіи можно было итти гораздо дальше, пока не терялась всякая связь со старинной миеологической традицией. Разсказъ о Гельги еще вращался около мотивовъ, намъ хорошо извѣстныхъ изъ другихъ вполнѣ языческихъ преданій. Но можно указать и на разсказы, въ которыхъ отъ древней традиции не осталось почти ни слѣда. Таковъ, напримѣръ, *Þáttir Þorsteins skelks* ¹⁾.

Исландецъ Торстейнъ, сынъ Торкиля, пріѣзжаетъ въ гости къ королю Олафу. Ночью послѣ пиршества ему захотѣлось выйти и здѣсь онъ встрѣтился съ чортомъ—*rúki*. Онъ спрашиваетъ его, кто лучше всѣхъ и кто хуже всѣхъ переноситъ страданія въ аду. Узнавъ, что Старкадъ громко вопить въ аду, онъ проситъ чорта закричать такъ, какъ кричитъ Старкадъ. Крики чорта все усиливаются; наконецъ Торстейнъ падаетъ безъ памяти. Но чортъ не причиняетъ ему никакого вреда. На другое утро король награждаетъ Торстейна за его храбрость. Если бы не имена, обнаруживающія явную связь съ Торомъ, если бы не пріуроченіе ко двору Олафа и противопоставленіе Торстейна чорту, напоминающее намъ Торкиля и Утгардалоки и пр., этотъ разсказъ совершенно висѣлъ бы въ воздухѣ? Теперь мы обязаны видѣть въ немъ весьма смутное отраженіе древней темы, встрѣчи живого существа съ представителемъ царства мертвыхъ.

Годмундъ упоминается еще въ Герварарсагъ (ред Н.). Въ вступленіи опредѣляется миеологическое его значеніе, какъ властителя рая, какъ божества, которому люди приносятъ жертвы. Но въ дальнѣйшемъ эта роль совсѣмъ забыта. Мы узнаемъ только, что онъ игралъ въ шахматы ²⁾. Намъ уже приходилось говорить о томъ, что возможность безъ помѣхи отдаться этому невинному развлеченію служить признакомъ блаженнаго состоянія ³⁾ Но этимъ исчерпывается все, что составитель саги счелъ возможнымъ вплести въ свой разсказъ изъ миеологій.

¹⁾ Fms. т. III, стр. 199—203.

²⁾ Herv. стр. 222.

³⁾ См. выше стр. 308, примѣч. 3.

Самую позднюю формацию сказанія о царствѣ мертвыхъ мы видимъ въ сагѣ о путешественникѣ Эйрикѣ — *saga Eriks vídförla* ¹⁾). Здѣсь не только сильнѣе подчеркивается христіанское вліяніе, но и само царство мертвыхъ переносится на югъ. Къ уже извѣстнымъ намъ областямъ присоединяется новое понятіе, обнаруживающее самымъ нагляднымъ образомъ свое христіанское происхожденіе, а именно, «поле безсмертія» — *O'dáinsakur*. Оно упоминается и въ *Герварарсагѣ* и доказываетъ, сколь поздняго происхожденія эпизодъ о Годмундѣ въ этой сагѣ. «Кто туда попадетъ, объясняетъ составитель саги, тотъ избавится отъ болѣзни и старости, и смерти» ²⁾). Греческій король думаетъ, что поле безсмертія безусловно то же самое, что христіанскій рай ³⁾, но ангелъ потомъ объясняетъ Эйрику, что въ рай могутъ попасть только души и что поле безсмертія въ сравненіи съ раемъ настоящая пустыня ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе, рай и поле безсмертія сосѣдять другъ съ другомъ. Поле безсмертія еще называется *jörð lifandi manna*, или, какъ читаетъ Рюдбергъ, *jörð lifanda manna*, т.-е. область живущихъ, безсмертныхъ людей. Въ то время, какъ въ сѣверное царство мертвыхъ попадали язычники, Эйрикъ передъ своей поѣздкой посвящается въ ученіе христіанской вѣры и принимаетъ крещеніе. Потомъ оказывается, что ангельскій хранитель побуждалъ его къ этому ⁵⁾). Любопытно также то, что Эйрикъ крестится въ Константинополѣ.

Сага объ Эйрикѣ вмѣстѣ съ тѣмъ является отголоскомъ сношеній скандинавовъ съ Греціей. Недаромъ говорится, что Эйрикъ сперва прибылъ въ Гардарики ⁶⁾; значитъ, онъ слѣдовалъ по великому водному пути, по которому и рюриковичи добрались до Царьграда. Эйрикъ ѣдетъ не одинъ; съ нимъ датскій королевичъ; всего ихъ 24 человекъ. Очень

¹⁾ Fas. т. III, стр. 661—674.

²⁾ *hverr er þar kemr hverfr af sott ok elli ok ma eigi deyja. Herv. стр. 208.*

³⁾ *er vér köllum Paradís, Fas. III, стр. 666.*

⁴⁾ Fas. III, стр. 671.

⁵⁾ *með minni forsjá tóktu skírn ok trú rétta... Стр. 671.*

⁶⁾ *sigla til Gardaríkis ok þvínæst til Miklagarðs... Стр. 661.*

важной подробностью кажется мнѣ то обстоятельство, что Эйрикъ набираетъ своихъ людей именно въ Дании, а не въ Норвегіи. Въ послѣдней странѣ ему трудно было найти людей, владѣющихъ русской рѣчью. Текстъ саги прямо указываетъ на то, что его спутники должны были служить и толмачами: *valdi sér únga menn ok væna til farag ok tolka*. Эйрикъ приѣзжаетъ въ Константинополь какъ разъ въ то время, когда греческій король собирался въ походъ ¹⁾. Скандинавы, понятно, участвуютъ въ войнѣ и обнаруживаютъ рѣдкую храбрость и преданность. По силѣ одинъ изъ нихъ равнялся двумъ или тремъ греческимъ воинамъ ²⁾. Видя такое ихъ превосходство, греческій король даетъ имъ наибольшее жалованье. Вообще они стали любимѣйшими его воинами ³⁾. Итакъ, въ этой сагѣ на первый взглядъ поражаютъ насъ слѣдующія черты: христіанскій легендарный элементъ и историческія воспоминанія о службѣ скандинавовъ въ Константинополь.

При болѣе внимательномъ разборѣ мы кромѣ этихъ чертъ встрѣтимся еще съ обычными мотивами входящими въ сѣверные мифы о царствѣ мертвыхъ. Правда, поле безсмертія находится на востокѣ недалеко отъ Индіи ⁴⁾. Но это какое нибудь отраженіе средневѣковыхъ легендъ, можетъ быть, тѣхъ фантастическихъ разсказовъ, которые приурочивались къ описанію похода Александра въ Индію. Далѣе, слѣдуютъ знакомыя намъ подробности. Поле безсмертія отдѣлено отъ остального міра огненной стѣной, простирающейся отъ земли до самыхъ небесъ. Огонь, это— *vafrlogi*; о стѣнѣ намъ уже приходилось говорить ⁵⁾. Оставивъ Индію, Эйрикъ попадаетъ въ темную страну; звѣзды свѣтятъ тамъ цѣлый день ⁶⁾. Никто не станетъ отрицать

¹⁾ *Ok í þann tíma hafði Girkjakonúngr bodit út her sínum í móti óvinum...* Стр. 661.

²⁾ *styrkri var einn af þeim enn tveir eða þ rir Girkir í orrostu...* Стр. 662.

³⁾ *gerdi hann þá sína þjónustumenn kærasta ok gaf þeim mestan myla allra sinna manna.* Стр. 662.

⁴⁾ *austr eigi langt frá Indíalandi.* Стр. 666.

⁵⁾ Выше стр.

⁶⁾ *þar sá þeir stjörnur of alla daga.* Стр. 667.

того, что здѣсь передъ нами природа крайняго сѣвера. Не забыты также густые лѣса и крутыя горы ¹⁾, которыя встрѣчаются почти во всѣхъ разказахъ о Біармаландѣ. Наконецъ, Эйрикъ подходитъ къ рѣкѣ, черезъ которую ведетъ мостъ. Рѣка мертвыхъ здѣсь отождествилась съ райской рѣкой Rhison. На мосту сторожить драконъ; обыкновенно дорога въ царство мертвыхъ охраняется псами, которые упоминаются уже Адамомъ Бременскимъ ²⁾. Эйрикъ, пытавшійся пронзить дракона мечомъ, исчезаетъ въ его пасти, гдѣ онъ былъ нѣкоторое время окруженъ густымъ облакомъ ³⁾. Облако, туманъ, паръ — встрѣчались также раньше ⁴⁾. По другую сторону рѣки Эйрикъ увидѣлъ поля, покрытыя чудной, какъ пурпуръ, травой и всевозможными цвѣтами, поля, орошенныя медовыми ручейками ⁵⁾. Но вѣдь эти поля — Glæsisvellir, loca argica Саксона. Наконецъ, Эйрикъ входитъ во дворецъ и находитъ здѣсь традиціонныя драгоцѣнности: столъ, блюда и чаши изъ золота и серебра и роскошно убранныя постели ⁶⁾. Такимъ образомъ, всѣ характерныя подробности въ описаніи арктическаго царства мертвыхъ повторяются и въ этой сагѣ. Отмѣтимъ и то, что Эйрикъ получилъ то же прозвище, что Орварь-Оддъ ⁷⁾.

Въ сагѣ объ Эйрикѣ Годмундъ не встрѣчается; за то въ Герварарсагѣ ⁸⁾ прямо говорится, что поле безсмертія находится въ его царствѣ. Я считалъ бы эту комбинацію выдумкой составителя, если бы не ссылка на какое то народное преданіе, которое мотивировало свое предположеніе тѣмъ, что Годмундъ и его люди жили дольше обыкновен-

¹⁾ þeir höfðu marga daga villzt á skógum ok undarlíga háfum fjöllum. Стр. 668.

²⁾ canes magnitudinem solitam excedentes. Стр. 188.

³⁾ þá þóttust þeir fara í gegnum myrkva mikinn. Стр. 669.

⁴⁾ Выше стр.

⁵⁾ grösín voru svá fögur sem purpuri ok gróin með öllum blóma ok flutu hunáns lækir um alla teigu. Стр. 669.

⁶⁾ Стр. 670.

⁷⁾ Торкиль прозванъ adalfari. Выше стр.

⁸⁾ Herv. стр. 203.

ныхъ людей. Но вообще это мѣсто Герварарсаги не можетъ считаться надежнымъ мифологическимъ источникомъ. Такъ составитель придумалъ слѣдующія тонкости: Jötunheimar—государство Годмунда, Grund—его городъ (bær), Glæsisvellir—страна (heradit) въ противоположность къ городу. Но мы выяснили, что эти обозначенія получились независимо другъ отъ друга.
